

УДК 821.133.1-31(02)
ББК 84(4Фра)6-44
М98

Мюрай, Мари-Од.

М98 Спаситель и Сын. Сезон 4 [для старшего школьного возраста] / Мари-Од Мюрай; пер. с фр. Екатерины Кожевниковой, Марианны Кожевниковой. — М. : Самокат, 2019. — 320 с. — (Самокат-сериал). — ISBN 978-5-91759-843-7.

Сколько проблем в этой жизни! Можно, конечно, запереться в своей комнате, как Жан-Жак, ни о чем не думать и играть в стрелялки на компьютере. Можно, как Габен, заткнуть уши на ушниками и проводить ночи в компании «Ходячих мертвецов». Можно сходить к гадалке, как Фредерика, или, подобно Жерому, сбежать, оставив жену и детей. А можно прийти на консультацию к Спасителю Сен-Иву, клиническому психологу, и посмотреть жизни прямо в лицо.

А счастье — оно, может быть, уже рядом, стоит лишь сделать верный шаг.

*Любое использование текста произведения разрешено
только с согласия правообладателя.*

Original title: Sauveur & Fils (saison 4)

Text by Marie-Aude Murail

© 2018 *L'école des loisirs*, Paris

© М. Ю. Кожевникова, Е. Л. Кожевникова,
перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-91759-843-7

ООО «Издательский дом «Самокат», 2019

*Посвящается Ноно,
которому Жово обязан жизнью*

*Если моя книга позабавит читателей
и хоть одному из них внушит лучшее
мнение о человеческой природе, чем он имел,
я буду горд достигнутым результатом.*

Ч. Диккенс.

Предисловие к «Посмертным запискам
Пиквикского клуба»

*У тебя, наверно, есть какие-то особые очки.
Люди видят мир не так, как ты.*

Соло

Ранее в сериале «Спаситель и сын»...

Спаситель Сент-Ив, родом с острова Мартиника, около 40 лет, клинический психолог в Орлеане. Вдовец, отец 9-летнего Лазаря, надеется создать семью с Луизой Рошто, женщиной, которую он любит. Луиза разведена, у нее двое детей: Поль 9 лет и Алиса 14 лет; бывший муж мучает ее ревностью, хотя он оставил ее и женился на молоденькой Пэмпренель.

В доме № 12 на улице Мюрлен, где живет и работает Спаситель, поселился еще Жово, бывший бомж, в прошлом легионер и гангстер, а также Габен 17 лет, сын мадам Пупар, которая после психиатрической больницы уехала поправлять здоровье к сестре в Аркашон. Не занимают ли Жово и Габен в доме Сент-Ива место детей Луизы?

В этом четвертом сезоне мы встретим старых пациентов Спасителя. Это...

Элла Кюипенс, 13 лет, ее травили одноклассники после того, как в сети появилась ее фотография, где она переодета мальчиком. Ее отец, Камиль Кюипенс, недавно лег в больницу лечиться от алкогольной зависимости.

Мейлис, 4 года, бьется головой об стену, чтобы привлечь внимание родителей, **Лионеля** и **Клоди**, занятых новыми технологиями.

Фредерика Жовановик, 29 лет, никогда не видела своего дедушку, считает, что он погиб на полях сражений. Потеряла надежду найти мужчину своей жизни.

Сестры Карре: Марго, 15 лет; **Бландина**, 12 лет. Их разведенные родители продолжают выяснять отношения. Марго резала себе руки и совершила две попытки самоубийства. Бландину считают гиперактивной. Они решили вместе заниматься психотерапией.

Самюэль Каэн, 16 лет, недавно познакомился со своим отцом, **Андре Вьенером**, знаменитым пианистом со сложной психикой. Самюэль хорошо учится, но ему хотелось бы избавиться от гиперопеки властной матери и найти любовь своей жизни.

А в общем, все прекрасно, и ничего не мешает пожелать себе хорошего года.

НЕДЕЛЯ

с 4 по 10 января
2016 года

— Объясни: зачем мы сюда пришли?

— Ты же знаешь, доктор порекомендовал тебе обратиться к психологу.

— Но мне нечего ему сказать. Как хоть его зовут?

— Спаситель Сент-Ив.

Молодой человек провел ладонями по щекам и шее, заросшими, как сорной травой, щетиной, превращавшейся понемногу в пушистую бородку.

— Так что мне ему говорить?

— Ты сам прекрасно знаешь, — вздохнула мать. — Скажешь, что не спишь. Никуда не выходишь. Сидишь и играешь на компьютере.

— А он мне скажет: займись чем-нибудь еще.

Мать и сын переговаривались осторожным шепотом, словно в приемной лежал тяжелобольной, который долго мучился от боли и наконец задремал.

— Месье Лучиани?

Молодой человек вздрогнул. Он привык сидеть дома,

и к нему никто еще так не обращался. Он повернул голову к распахнувшейся двери, и на лице у него отразилось такое неподдельное изумление, что он сразу стал похож на маленького мальчика. Он ожидал увидеть морщинистого старичка с усиками, похожего на их терапевта месье Дюбуа-Герена, сгорбившегося за долгие годы сидения за столом. Но оказалось, что их районным психологом был чернокожий великан в белоснежной рубашке с расстегнутым воротом.

— Входите, прошу вас, — пригласил он их, слегка склонив голову перед мадам Лучиани.

Мать с сыном вышли из приемной в коридор и вошли в кабинет. Обычно новые пациенты, осваиваясь в незнакомой обстановке, осматривались вокруг. Молодой человек опустил в кресло и застыл, уставившись в пустоту.

— Садитесь, пожалуйста, мадам, — обратился Спаситель к его матери.

Мадам Лучиани положила сумку и пальто и села на кушетку. Маленькая смуглая женщина с темными кругами под глазами, давно забывшая о парикмахерской: ее волосы, черные на концах, были у корней совсем седыми.

— Я вам звонила на прошлой неделе, мы договорились о консультации для моего сына.

— Так-так-так.

— По совету нашего терапевта.

— Конечно.

Тишина. Слышно только сопение молодого человека. Потом он заворочался в кресле, словно спящий в кровати.

— Итак, месье, — поощрил своего нового пациента Спаситель.

— Кто? Я? — Помолчав, молодой человек обратился к матери: — Я же говорил, он ничего мне не скажет.

— Вы предпочитаете, чтобы я задавал вам вопросы? — спросил Спаситель своим самым бархатным голосом.

— Не знаю... Наверное...

— Вы знаете, почему вы здесь?

— Здесь... На Земле?

— На консультации. Но ваш вопрос заслуживает внимания. Почему вы здесь, на Земле?

— В этом-то и вопрос.

— Так-так-так.

— Не знаю, почему я здесь. Не знаю для чего. Я ни для чего, это точно.

Молодой человек говорил серьезным баском, который мог бы звучать мужественно, не будь он таким лениво-расслабленным.

— Я вообще не знаю, что мне делать с жизнью.

— Что делать с жизнью, — повторил Спаситель гипнотическим голосом.

— Мама сказала вам по телефону... Я не выхожу из комнаты уже, может, год или полтора.

— Два года, — уточнила мать, и глаза у нее наполнились слезами.

— Но вы все-таки пришли сюда, — заметил Спаситель.

— Мама привезла меня на машине. — Молодой человек медленно провел рукой по отросшей бородке. Похоже, пробормотав фразу про маму, он сообразил, что в его возрасте она звучит странно. — Мне двадцать два, а я чувствую себя подростком.

— Двадцать три, — шепотом подсказала мать.

Для матери время двигалось, а для сына — нет.

— Я просто устранился.

— Устранился, — повторило эхо.

— Дюбуа как-то там сказал, что у меня депрессия. Но я не чувствую угнетенности. Мне только не хочется выходить наружу. Там оказываешься в фильме ужасов. Я стараюсь о них не думать. Живу не думая.

— А как у вас получается не думать? — спросил Спаситель, словно даже представить себе не мог, что такое возможно.

— Проще простого. Ставишь возле себя кружку с чаем, кликаешь и выходишь в пространство, где между противниками завязалась борьба не на жизнь, а на смерть. Нужно быть очень внимательным, чтобы знать, когда вмешаться. При тебе ствол, бежишь, палишь. Все предельно реалистично. В голове ничего лишнего. А чтобы заснуть, дожидаясь усталости. Такой, чтобы с ног валила.

Говоря, молодой человек теребил бородку, а потом запустил пальцы в длинные сальные волосы и поднял их хохлом на голове.

Спаситель повернул кресло к мадам Лучиани.

— Если я правильно понял, мадам Лучиани, вы живете с сыном одна?

— Не так уж давно. Мы с мужем разошлись пять лет тому назад. По-хорошему. Я имею в виду, без трагедий. По взаимному согласию. Сначала Жан-Жак жил одну неделю с отцом, другую со мной, но потом его отец получил работу в пригороде Парижа, и видеться им стало сложнее.

Спаситель снова повернул кресло к молодому человеку.

— Вы продолжаете видеться с отцом?

— Не часто. Обычно по скайпу. Не из-за него, из-за меня: я же больше не выхожу из комнаты.

— А как вы отнеслись к разводу родителей?

— Хорошо.

— Хорошо? — удивился Спаситель.

— Без трагедий, говоря мамиными словами. В общем-то, я этого ждал.

— Значит, ждали...

— Да нет же! И не ищите в нем причину: это все из-за развода родителей, потому да поэтому... У меня отличные родители. Мне не в чем их упрекнуть.

— Не в чем упрекнуть.

— Вы все время за мной повторяете, — заметил вдруг Жан-Жак.

— Хочу убедиться, что правильно понял.

— Себя-то трудно понять, а уж других тем более. Но у вас такая профессия... — Он процедил сквозь зубы: — Пс-с-ихолог... Надеетесь мои мозги просканировать?

Жан-Жак насмешливо хохотнул. Весь заросший, с хохолком на голове, он напоминал странную птицу. Мать смотрела на сына с отчаянием.

— Пять лет тому назад вам было восемнадцать, — снова заговорил Спаситель. — Вы тогда еще ходили в школу?

— Ну да. Там-то всё и рвануло.

— То есть?

Жан-Жак устало повел рукой в сторону матери: мол, она все объяснит... Мадам Лучиани стала рассказывать, что было после того, как ее сын зарегистрировался на сайте «Для получивших аттестат».

— Там вывешены предложения, где можно продолжать учебу, получив бакалавриат¹, и нужно отметить, где хочешь учиться. Я не разобралась, где там и что, сын тоже. Отец... Он был в командировке. Жан-Жак запаниковал. Ему показалось, что выбор слишком велик и нет гарантии, что он выберет правильно. Он сказал, что

¹ Бакалавриат — диплом об окончании полного среднего образования, дающий право получать высшее. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

бак он в любом случае в этом году не получит, так что предпочитает повторить последний класс. И перестал ходить на уроки.

— И?

— Он не сдавал экзамены на бак и повторил последний класс.

— И?

— Опять не получил бак, потому что не пошел на экзамены.

— На сочинение. Тема была «Нужна ли для счастья свобода?», нравится? — вмешался в разговор Жан-Жак. — Нет уж, спасибо!

— А вопрос-то интересный.

— Плевать на вопрос... раз нет ответа.

— Ответ появится, если задать вопрос. А на какой вопрос вы бы хотели ответить?

— «Если есть счастье, зачем свобода?» Не, это я дурака валяю... А почему вы улыбаетесь?

— Вот на ваш вопрос у меня точно есть ответ, — еще шире улыбнулся Спаситель. — Потому что вы мне очень симпатичны.

— Да ну? — удивился Жан-Жак. — А вы не думаете, что я полный ноль и на лбу у меня написано «Лузер»?

— Я думаю, что передо мной молодой человек в состоянии экзистенциального кризиса, а это вопрос философский.

— Скорее скучный.

Диалог завязался, но Жан-Жак то и дело переступал ногами, словно ему хотелось поскорее уйти.

— Каким методом вы пользуетесь? Бивираль... нет, бихивральным...¹ нет, как-то не так... — пыталась вспомнить мадам Лучиани.

Спаситель не мешал ей барахтаться в словах, продолжая вглядываться в ее сына.

— А почему бы не попробовать гипноз? — спросил Жан-Жак и пробасил замогильным голосом: — «Не сидите в комнате, — такова моя воля, — запишитесь в агентство по трудоустройству, подстригитесь...»

Мама твердила ему это изо дня в день вот уже полгода.

— И что вам больше всего не по душе в этой программе? — поинтересовался Спаситель.

Жан-Жак собрался было ответить, но не стал.

— Не знаю.

Он не хотел давать никаких зацепок, чем-то помочь.

— Кроме компьютерных игр вы чем-нибудь занимаетесь?

— Чем, например?

— Вот я вас и спрашиваю... Смотрите фильмы?

— Иногда. На стриме.

— Фейсбук?

¹ Мадам Лучиани имеет в виду бихевиоральную, или поведенческую, терапию.

— Завязал.

— Почему?

— «Ты где? Что делаешь?» Я у себя в комнате, не делаю ничего. Мне бессмысленно задавать вопросы.

Косвенно это относилось и к Спасителю.

— Минималистский образ жизни, — прокомментировал Спаситель, все так же доброжелательно улыбаясь. — Вы современный отшельник. И питаетесь дарами, которые складывают у ваших дверей.

Спаситель не был уверен, что выбрал правильный тон, но молодой человек снисходительно принял его шутку.

— Ага, и все дары приносит мама, — отозвался он. — Иначе есть было бы нечего. Вот в чем ужас-то: полная зависимость от матери. А еще ужаснее то, что она об этом знает.

Необыкновенно серьезные вещи были произнесены все так же лениво и сонно, с большими паузами, во время которых Жан-Жак теребил бородку.

— Вы слышали о хикикомори? — внезапно подала голос мадам Лучиани.

— Вы говорите о Японии? — уточнил Спаситель.

— Я читала о них в интернете. Похоже, многие молодые люди не выходят из своей комнаты.

— Да, они перестали учиться, нигде не работают, отказываются от социальной жизни.

— Вижу, вы в курсе, — с явным удовлетворением про-

изнесла мадам Лучиани. — И как вы можете это объяснить?

— В Японии общество очень требовательно к молодежи, в особенности к мальчикам. Начиная со школы от них ждут очень многого, всюду сильно развито соперничество, и некоторые не выдерживают напряжения. Они не бунтуют, а просто запираются в комнате.

— Странно, — заметила мадам Лучиани, — в школе у Жан-Жака проблем не было. У него и в последнем классе были хорошие отметки.

Спаситель повернулся к молодому человеку. Тот слушал разговор о себе без всякого интереса.

— Вы любили школу?

— Да нет, чего там любить? Встаешь ни свет ни заря, и вообще...

— Да-да, рано встать для него проблема, — подхватила мадам Лучиани. — Он встает в три-четыре часа дня. Я с большим трудом подняла его, чтобы прийти к вам.

Спаситель успокоил: следующую консультацию можно назначить на семь часов вечера.

— Зачем? — спросил Жан-Жак.

— Чтобы дать вам выспаться.

— Да нет, консультация зачем? Совершенно бесполезное дело.

— Вопрос: если заняться совершенно бесполезным делом в совершенно бесполезной жизни, то, быть может,

появится какая-то польза? Итак, в следующий понедельник в девятнадцать часов?

— Ни малейшего желания, — пробурчал молодой человек, но его мать кивнула в знак согласия.

Спаситель проводил семью Лучиани до двери и, вернувшись в кабинет, взглянул на круглые часы на стене. Консультация длилась полчаса, а не обычные сорок пять минут. Он опередил график. Прежде чем идти в приемную и приглашать следующего пациента, Спаситель вынул из ящика письменного стола письмо, которое передал ему директор лица Ги-Моке.

*Месье,
не сумев завоевать доверия преподавателей и не оценив
по достоинству коллег по учебе, я не без сожаления
сообщаю Вам о своем уходе. Поверьте, однако, что год,
проведенный во вверенном Вам заведении, принес мне не-
мало открытий и я сохраню о Вас память как об очень
достойном человеке.*

*С глубоким уважением и наилучшими пожеланиями
на весь этот новый год*

Габен Пунар

Спаситель перечитал письмо и улыбнулся. Письмо, взбесившее директора лица, было написано без единой орфографической ошибки и свидетельствовало, что до этого года Габен успешно усваивал школьную про-